

18+

ДЕМИД МОЛЧАНОВ

**РЕТРАРХ.
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНАЯ
СИСТЕМА
ПРОТОСЛАВЯН**

ТЕОРИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО
ПРОЦЕССА. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ
СОСТОЯНИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

Демид Молчанов

**Ретрарх. Предсказательная
система протославян.
Теория фундаментального
процесса. Базовые понятия
состояний его развития**

«Издательские решения»

Молчанов Д.

Ретрарх. Предсказательная система протославян. Теория фундаментального процесса. Базовые понятия состояний его развития / Д. Молчанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936541-5

Анализ различия понятий систем Таро, Книги перемен и германоскандинавских рун выявил ряд закономерностей и позволил выделить двадцать одно обобщенное понятие, присущее в равной степени всем трем системам. Позже мне довелось прочитать работы лингвистов, посвященные исследованию истоков славянской письменности. Тогда на основе двадцати одного базового понятия систем и двадцать одной основной руны древней Ретры и родилась система Ретрарх.

ISBN 978-5-44-936541-5

© Молчанов Д.
© Издательские решения

Ретрарх. Предсказательная система протославян Теория фундаментального процесса. Базовые понятия состояний его развития Демид Молчанов

© Демид Молчанов, 2018

ISBN 978-5-4493-6541-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В качестве предисловия.

Одним из важных источников по истории славянской письменности является «Сказание о письменах», написанное в конце IX – начале X века неким черноризцем (монахом) Храбром. «Сказание» это было довольно популярно во времена средневековой Руси, об этом свидетельствует количество дошедших до нас списков «Сказания». Из 73 сохранившихся рукописных списков XIV-XVIII веков более половины – древнерусского происхождения.

Это сочинение древнеболгарского книжника написано на церковнославянском языке и рассказывает об особенностях славянской азбуки, об условиях ее возникновения. Сказание было посвящено доказательству того, что славянское письмо, созданное Константином-Кириллом, ничем не уступает греческому и, более того, способно передать все особенности славянского языка; в частности, в славянской азбуке были буквы для обозначения специфических славянских звуков. Вот начало этого произведения:

То есть начертанные на чем-либо использовались как письменность, а вырезанные на чем-либо как сакральные знаки для гаданий. Ну, еще и для оформления сакральными символами например одежды, жилищ, капищ. А это значит, что гадали наши предки со времени изобретения своих символов.

Четыре правила Декарта, если следовать от сложного к простому, в полной мере относятся и к проблеме возникновения письменности у древних славян, каким образом станет понятно далее, и к проблеме первородства предсказательных систем. Но о первородстве позже. Из фрагмента «Сказания» понятно, что Кирилл и Мефодий не создавали новую азбуку, а усложнили существующую. А все идет от простого к сложному.

Декарт с самого начала хотел предложить, «четкие и легкие правила, которые не позволят тому, кто ими будет пользоваться, принять ложное за истинное и, избегая бесполезных умственных усилий, постепенно увеличивая степень знания, приведут его к истинному познанию всего того, что он в состоянии постичь». В «Рассуждении о методе» ученый сводит число методов к четырем; причина такого сокращения называется самим Декартом: «Поскольку большое число законов часто служит лишь предлогом для их незнания и нарушения, то чем меньше законов имеет народ, тем лучше он управляем, – при условии строгого соблюдения этих законов; и я подумал, что вместо множества законов логики, мне достаточно следующих четырех – при условии твердого и неукоснительного соблюдения их безо всяких исключений».

1). Первое правило, оно же и последнее, поскольку не только отправной, но и конечный пункт – это правило очевидности, которое Декарт формулирует следующим образом: «Никогда не принимать ничего на веру, в чем с очевидностью не уверен; иными словами, старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что

представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению». Это не просто правило, но фундаментальный нормативный принцип, именно потому, что все должно сводиться к ясности и отчетливости, в чем и заключается очевидность. Говорить о ясных и отчетливых идеях и говорить об идеях очевидных – одно и то же. Но каково умственное действие, посредством которого достигается очевидность? Это интуитивное действие, или интуиция, которой Декарт дает определение в «Правилах», представляет собой «не веру в шаткое свидетельство человеческих чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но прочное понятие ясного и внимательного ума, порожденное лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция». Итак, речь идет о действии, которое служит себе и основой, и подтверждением, ибо оно не опирается ни на что иное, как на взаимную прозрачность интуитивного действия. Речь идет о ясной и отчетливой идее, отражающей «чистый свет разума», еще не согласованной с другими идеями, но увиденной самой собой, интуитивно данной и не доказанной. Речь идет об идее, присутствующей в уме, и об уме, открытом идее без какого бы то ни было посредничества. Достичь этой взаимной прозрачности – цель трех других правил.

2). Второе правило: «Разделять каждую проблему, избранную для изучения, на столько частей, сколько возможно и необходимо для наилучшего ее разрешения». Это защита аналитического метода, который только и может привести к очевидности, ибо расчленяя сложное на простое, он светом разума изгоняет двусмысленности. Если для определенности необходима очевидность, а для очевидности необходима интуиция, то для интуиции необходима простота, достижимая путем расчленения сложного «на элементарные части до пределов возможного». В «Правилах» Декарт уточняет: «Мы называем простым только то, знание о чем столь ясно и отчетливо, что ум не может разделить их на большее число частей». Большие завоевания достигаются постепенно, поэтапно, шаг за шагом. Здесь нет места претенциозным обобщениям; и если всякая трудность вызвана смещением истинного с ложным, то аналитический ход мысли должен способствовать освобождению истинного от шлаков лжи.

3). Разложения сложного на простое недостаточно, поскольку оно дает сумму отдельных элементов, но не прочную связь, создающую из них сложное и живое целое. Поэтому за анализом должен следовать синтез, цель третьего правила, которое Декарт все в том же «Рассуждении о методе» определяет так: «Третье правило заключается в том, чтобы располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.» Итак, следует вновь соединить элементы, в которых живет одна сложная реальность. Имеется в виду синтез, который должен отталкиваться от элементов абсолютных, независимых от других, продвигаясь к элементам относительным и зависимым, открывая дорогу цепи аргументов, освещающих сложные связи. Имеется в виду восстановление порядка построением цепочки рассуждений от простого к сложному, не без связи с действительностью. Если бы даже этого порядка не существовало, его следует принять в форме гипотезы, наиболее подходящей для интерпретации и выражения реальности. Без очевидности не было бы интуиции, а переход от простого к сложному необходим для акта дедукции. В чем важность синтеза? «Может показаться, что при этой двойной работе не появляется ничего существенно нового, если в конце концов мы получаем тот же предмет, с которого начинали. Но в действительности это уже не тот же самый предмет. Реконструированный комплекс стал прозрачным под лучом прожектора мысли. Первое – это грубый факт, второе – знание, как он сделан; между ними двумя – посредник-разум» (Де Руджеро).

4). И, наконец, чтобы избежать спешки, матери всех ошибок, следует контролировать отдельные этапы работы. Поэтому в заключение Декарт говорит: «Последнее правило – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что

ничего не пропущено». Итак, перечень и обзор: первый контролирует полноту анализа, второй – корректность синтеза. Об этой необходимой предосторожности от какой-либо поверхностности мы читаем в «Правилах»: «Следует постоянным непрерывным движением мысли просматривать все, имеющее отношение к нашей цели, охватывая его достаточно упорядоченным перечнем»

И вот и переходим к простому в письменности. В частности к основам теории письма.

О возникновении славянской письменности на бытовом уровне, уровне массового сознания, ясно всё. Не без помощи существующей системы образования утвердились расхожие стереотипы, сводящиеся к следующему: славянский алфавит создан в 60х годах IX века братьями Константином (Кириллом в монашестве) и Мефодием. Отсюда и берёт начало славянское письмо, именуемое кириллицей. До этого времени славяне были народом бесписьменным. Более эрудированные люди могут даже припомнить слова черноризца Храбра, относящиеся к X веку, а то и к рубежу IX – X веков. (уж более достоверного свидетельства и не найти), казалось бы, подтверждающие вышеуказанные утверждения. Хотя с работой Храбра «дьявол в деталях» и тонкости в переводах.

Однако остановимся. Пока ничего не будем опровергать. Скажем мягко, уважаемый читатель или слушатель, что все только что воспроизведённые «постулаты» отнюдь постулатами не являются. Всё это не аксиомы, а теоремы, причём не доказанные.

Тема настоящей книги требует от нас несколько отвлечься от славянского письма и уделить внимание некоторым теоретическим вопросам, связанным с письмом вообще. Подобный уход в сторону необходим для понимания излагаемого в дальнейшем материала.

Итак, как возникла письменность, как она развивалась, какие стадии прошла в своём развитии?

Человечество не знало письма на протяжении большей части своей истории. Принято считать, что применение знаков для записи речи началось около шести тысяч лет назад, т. е. в четвёртом тысячелетии до нашей эры.

Однако в 1961 году в Трансильвании, у маленького румынского посёлка Тэртерии, археологи нашли три глиняные таблички с загадочными рисуночными знаками. В знаках этих многие исследователи видят письмо. Но поскольку таблички датируются пятым тысячелетием до нашей эры, то приходится видеть в них памятники древнейшей на Земле письменности.

Первым шагом к созданию письма было использование предметов – сначала в качестве мнемонических, т. е. «напоминательных», средств. Они не передавали мысль, а только напоминали о ней. Потом за предметами стали закреплять конкретное значение. Они являлись своего рода сигналами, условными знаками, обозначавшими то, о чём заранее оговорено. Такими условными знаками служили зарубки на бирках или деревьях, узлы, шнуры, стрелы для объявления войны, «жезлы вестников» и прочие предметы. Этот способ закрепления значений носит название «предметное письмо». Если вспомним послание скифов Дарию I, то увидим типичный случай применения предметного письма. Но предметное письмо не могло передавать большого количества информации. Также слишком трудно, а то и попросту невозможно передавать посредством его накопленные знания последующим поколениям.

Поэтому люди продолжали совершенствование способов передачи информации. Дальнейшую эволюцию можно назвать «движением от рисунка к букве».

Пиктография, или письмо в рисунках, стала следующей ступенькой на пути к современному письму. Она применялась многими народами на стадии родового общества. Зародившись в недрах первобытного искусства в эпоху позднего палеолита (40—10 тыс. лет назад), пиктографическое письмо окончательно сформировалось в эпоху неолита, когда разрозненные родовые группы стали объединяться в племена.

Как нам кажется, в трактовке сути пиктографии и стадий её развития у исследователей имеются разночтения. Так, часть из них, например В. С. Драчук, считают, что пиктограмма

изображала только законченную мысль, мысль целиком, без членения на отдельные понятия, элементы (части речи). При таком взгляде закрепление за каждым предметом или понятием отдельного знака-рисунка рассматривается как переход к идеографии, более высокой стадии развития письма.

Другие учёные такое закрепление рассматривают лишь как стадию развития рисуночного письма, хоть и более высокую. Таким образом, идеограммы рассматриваются ими как более совершенные пиктограммы. Отношение к пиктографии у таких учёных весьма, если можно так выразиться, сдержанное. Они считают, что рисунки-пиктограммы даже на стадии их закрепления за определёнными предметами не были неразрывно связаны с конкретным словом определённого языка. Таким образом, пиктографические «надписи» представляют собой всего лишь «рассказы в картинках», а не памятники настоящего письма, призванного фиксировать формы звуковой речи. Пиктография – сугубо мнемоническое средство. Однако такая ступень её развития, как идеография, позволила закрепиться за знаками, обозначающими определённые предметы и понятия, постоянным фонетическим значениям целых слов, т. е. превратила их в однозначно читаемые логограммы, что и представляло собой принципиально новый этап в развитии письменности.

Таким образом, можно видеть, что разность в трактовке пиктографии влечёт за собой и разные оценки идеографии (дословно – «письмо идей»). Более того, указанные различия, на наш взгляд, обусловлены несхожим пониманием самой сути письма. Если представители одной точки зрения склонны видеть письмо уже там, где информация фиксируется на каком-либо носителе или, по крайней мере, с момента закрепления определённых знаков для обозначения отдельных предметов и понятий, вычленения отдельных элементов из общей мысли, выраженной пиктограммой (т. е. со стадии идеографии), то представители второй увязывают начало письма с фонетизацией знаков, т. е. когда за знаком закрепляется слово, представляющее определённый звуковой набор, присущий данному языку (стадия логограмм).

Однако как бы там ни было, какую бы точку зрения ни принимать, идеограмма – это безусловный шаг вперёд на пути к современному письму.

Система идеографических знаков упорядочивалась, как принято считать, уже в масштабе государства, которое нуждалось в устойчивом и точном письме для целей управления. В ряде стран (Египте, Шумере, Китае, на острове Крит) идеография возникает на одной и той же стадии развития общества, вместе с рабовладельческим государством, в недрах которого и достигает высокой степени совершенства. По сути, совершенствовалась уже логография (дословно – «письмо слов»), так как систематизирующая деятельность государства в этой сфере должна была окончательно завершить процесс закрепления за знаками постоянных фонетических значений целых слов. То есть иероглифы Китая, Египта, Крита, клинопись Междуречья – это логограммы.

Логографическое письмо не только передавало содержание сообщения, но и выявляло словарный состав языка и даже присущий ему синтаксический строй.

Начертание знаков-логограмм постепенно упрощалось, всё больше уходя от своего прототипа. Абстрактные понятия передавались либо теми же знаками, что и связанные с ними конкретные (например, в Древнем Египте слова «воин» и «сражение» изображались при помощи двух рук: одна держит щит, а другая – копьё); либо посредством изменения и сочетания знаков, передающих конкретные понятия (в шумерском языке сочетание знаков «хлеб» и «рот» означало «есть»). В первом случае ясно, что значение логограммы должно быть угадано из контекста предложения (сообщения).

Но, справляясь с обозначением абстрактных понятий, логография не могла указывать грамматических форм слов, отчего страдала точность передачи связи между понятиями. Другой крупный её недостаток – многознаковость (тысячи, а то и десятки тысяч знаков). И, наконец, настоящей проблемой стала передача на письме имён собственных иностранного про-

исхождения. Выход, найденный для решения этой проблемы, представлял собой «зародыш» новой ступени развития письма в недрах логографии. Речь идёт о «ребусном» методе. Суть его такова: иностранное имя собственное делилось на части таким образом, чтобы по звучанию они совпадали с какими-либо словами. Из набора логограмм этих слов и составлялось имя. Кстати заметим, что представители первой из указанных точек зрения на суть письма только такую запись и считают логограммой: «Такая запись уже отражает звуковую сторону языка, прочно связана со звучащим словом и поэтому называется логограммой (в отличие от идеограммы, которая связана только со значением и может быть прочитана на любом языке)».

Со своей стороны (придерживаемся второй точки зрения) скажем, что это определённые зачатки слогового письма, вычленение из слова слога.

Слоговое письмо – следующий шаг в развитии письменности, принципиально новый. С позиций нашего времени, с «высоты веков», если можно так выразиться, всё кажется простым. Ещё с дошкольного возраста, учась читать, мы привыкли делить слова на слоги. Но тысячелетия назад всё было по-другому. Чтобы впервые расчленить значащую целостность слова на ничего не значащие части, нужно отделить звуковую оболочку от смысла, как от чего-то малосущественного, хотя именно ради передачи смысла слово и существует. Около двух тысяч лет потребовалось для этого человечеству. Если первые идеографические (логографические) системы стали возникать в IV—III тысячелетиях до нашей эры, то слоговые появились только во втором-первом тысячелетиях до нашей эры, как принято считать, то есть это общепринятая точка зрения, но не единственная.

Как бы там ни было, человечество сделало этот трудный шаг, требующий высокого уровня абстрактного мышления.

Набор слоговых знаков именуется силлабарием, сам слоговый знак – силлабограммой, а слоговое письмо – силлабографией.

По сравнению с идеографической (логографической) слоговая система была удобнее для обучения и употребления. Она делала письмо более компактным, поскольку насчитывала от двух-трёх сотен знаков до нескольких десятков (это уже далеко не тысячи), точнее отражала фонетический и грамматический строй языка.

Но всё же принцип слогового построения письма оправдывал себя только в случае, если язык «собирался» из немногих слогов либо структура этих слогов была весьма простой. Так, например, язык минойцев (догреческих обитателей острова Крит) состоял из слогов типа С (согласный) + Г (гласный) или Г («чистый» гласный), не допускал накопления или удвоения согласных перед гласными. Всё это позволило минойцам создать силлабарий из 60—70 знаков. Если же указанные условия отсутствовали, то и слоговая письменность оставалась громоздкой и сложной.

Поэтому дальнейшее развитие письма пошло по пути всё большего дробления звукового потока, до самой мелкой частицы – звука.

На пути к звуковому (или буквенно-звуковому) возник ещё один тип письма, который можно рассматривать как промежуточный между слоговой и буквенно-звуковой системами – консонантное письмо, при котором пишутся только согласные. Например, словосочетание «князь Святослав» будет выглядеть так: кнз Свтслв. Набор знаков консонантного письма, так же как и звукового, именуется алфавитом, сам знак, опять же как и в звуковом, – буквой.

Первый алфавит создали финикийцы во II тысячелетии до нашей эры. Был он алфавитом консонантным: состоял из 22 букв, обозначавших согласные звуки или слоги, состоящие из согласного и гласного звуков. Финикийский язык принадлежал к семейству семитских, в которых главную роль играли согласные. Из них составлялись корни слов. Гласные же выражали главным образом грамматические связи и формы слов. Передавались гласные не буквами (т. е. в алфавит не входили), а вспомогательными знаками, которые могли указать, какой гласный звук должен следовать за тем или иным согласным (т. н. «матери чтения»).

Венцом развития письма является звуковое (буквенно-звуковое, буквенное; все три понятия синонимичны) письмо. Принято считать, что последний шаг к нему сделали древние греки, выделив гласные звуки и введя для них в алфавит, заимствованный у финикийцев, специальные буквы. Произошло это в I тысячелетии до нашей эры. Буквенное письмо обеспечивает наиболее точную передачу звуков речи, грамматических форм, сравнительно легко в усвоении, так как состоит в среднем из 30—40 знаков.

Итак, схема развития письма такова: пиктограмма – идеограмма (логограмма) – слог – буква. Или несколько иначе, отталкиваясь не от знака, а от системы знаков: пиктография – идеография (логография) – силлабография – консонантное письмо – буквенное письмо.

Впору задаться вопросом: «А насколько указанная схема эволюции письменности всеобща?» Формулируя более развернуто: могли ли народы, имеющие письменность, «перескочить» через какой-либо из указанных этапов? Обязательно ли одна стадия развития выливается в другую? Если да, то почему? Если нет – тоже почему?

Конечно, отвечая на поставленные вопросы, мы должны учитывать два фактора: 1) особенности языка того или иного народа; 2) исторические условия.

Начнём со второго. Исторические условия оказывают огромное влияние на движение по «эволюционной лестнице» письменности. Бесписьменные народы могут позаимствовать письмо у более цивилизованных соседей, минуя определённые ступени развития письма. Так, древние греки позаимствовали у минойцев островов Крит и Кипр их слоговые системы письма (линейное А и кипро-минойское письмо) и создали на их основе собственную письменность (линейное Б и классический кипрский силлабарий). С течением времени эти письменные системы были вытеснены более совершенным буквенным письмом, созданным на основе финикийского консонантного алфавита. То есть, зная, наверное, пиктографию, как практически всякий первобытный народ, в смысле рисунков, передающих целую мысль, рассказывающих о событии, греки «проскочили» стадию идеограмм и логограмм, перейдя к слоговому письму. А вот славяне, по установившемуся мнению, не знали и последнего и обрели сразу буквенно-звуковую письменность (созданную на основе греческого и латинского алфавитов), миновав, таким образом, целых три ступеньки «эволюционной лестницы» письма.

В то же время письменность из-за исторических условий может ни во что не развиваться (например, из-за природных и военных катастроф, приведших к быстрой гибели или угасанию цивилизации, и других причин). Так, в древнеегипетской, шумерской, ассирийско-вавилонской, древнеперсидской и других логографических системах письменности уже выделялись слоги. Обычно в слоги превращались односложные логограммы («ребусным» способом). Однако эти древнейшие письменности в силу исторических обстоятельств вышли из употребления, так и не успев преобразоваться в слоговые.

Но давайте повнимательнее присмотримся к историческим условиям.

Мы видим, что китайская логография существует по сей день (т. е. уже пятое тысячелетие). И это при том, что в Китае предпринимались неоднократные попытки создать азбуку, которая могла бы передавать звучание китайской речи. А вот критская иероглифика, возникнув в конце III – начале II тысячелетия до н. э., очень быстро преобразовалась из логографической в логосиллабическую (т. е. словесно-слоговую) систему. Если учесть, что иероглифика выходит на Крите из употребления не позднее первой половины XVII в. до н. э. и её сменяет силлабарий (линейное А), то существование критских иероглифов как логограмм в чистом виде можно исчислять не более чем двумя-тремя веками, при где-то пяти веках (максимум) употребления иероглифов вообще.

Вывод из приведённых примеров очевиден: помимо исторических условий на эволюцию письма оказывает большое влияние тип языка, на котором говорит народ.

Лингвистика выделяет три типа языков: 1) изолирующие; 2) агглютинативные; 3) флективные. Кратко объясним эти понятия.

Основными признаками изолирующих языков являются неизменяемость слов (отсутствие форм словоизменения) и выражение синтаксических отношений преимущественно посредством порядка слов. Есть и некоторые сопутствующие признаки: преобладание однологовости корня и значительные ограничения, наложенные на структуру слога; наличие слоговых музыкальных тонов; возможность для одного слова выступать разной частью речи, т. е. в различных грамматических функциях. Чистых изолирующих языков не существует. Наиболее близкими к этому типу являются китайский, вьетнамский и некоторые языки Западной Африки.

В агглютинативных языках словообразование и словоизменение осуществляются при помощи агглютинации (отсюда и название типа языков).

Последняя же представляет собой образование грамматических форм и производных слов путём присоединения к корню или к основе слова аффиксов, имеющих грамматическое и словообразовательное значения. Аффиксы однозначны, т. е. каждый из них выражает только одно грамматическое значение, и для данного значения всегда служит один и тот же аффикс. Аффиксы следуют друг за другом, не сливаются ни с корнями, ни с другими аффиксами, их группы отчётливы.

К агглютинативным языкам относятся тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский и ряд других языков. Для ясности продемонстрируем словообразование и словоизменение в казахском языке (относится, как известно, к тюркским языкам). Слово «жҰмыс» означает «работа». Посредством словообразовательного аффикса «шы» получаем слово «жҰмысшы» – «рабочий». Аффикс «лар» отвечает за образование множественного числа последнего слова (т. е. за словоизменение): «жҰмысшылар» – «рабочие».

Группа флективных языков (флектирующих) объединяет языки, в которых словоизменительное и словообразовательное значение выражается преимущественно флексией (от лат. flexio – сгибание, изгиб), под которой понимается показатель комплекса грамматических категорий, выражающихся в словоизменении, и сама система словоизменений, пользующаяся такими показателями.

Флексия бывает внутренней, при которой формы слова образуются изменением звуков внутри основы (например, в немецком: geht – идёт, ging – шёл, der Gang – ход); и внешней, при которой словоизменение идёт посредством синтетических (многозначных) аффиксов (например, слово «рука», форма «рукой»; аффикс «ой» выражает одновременно женский род, ед. ч., творительный падеж). Индоевропейские языки, в том числе славянские, относятся именно к группе флективных языков.

В лингвистике существует представление, что тип письменности в общем и целом соответствует типу языка. Так что изолирующие языки могут использовать логографию; агглютинативные – довольствоваться силлабографией. Что же касается наиболее развитых флективных языков, то им, так сказать, сам Бог велел использовать буквенно-звуковое письмо. Конечно, подобные соответствия надо понимать, на наш взгляд, только как принцип «наибольшего благоприятствования», т. е. тот или иной тип письма наиболее удобно применять при том или ином типе языка. Это не значит, что не подойдут другие виды письма. Связка идёт не от письма к языку, а от языка к письму. Например, какой-то язык для слоговой письменности наиболее благоприятен, наиболее содействует её сохранению. Но это отнюдь не значит, что буквенное письмо для него неприменимо, неудобно. Применяют же угро-финские и тюркские народы с их агглютинативными языками фонетическое письмо.

То есть можно сделать вывод, что письмо, стоящее на более высокой стадии развития, вполне может быть применимо для языка, который в принципе может использовать и письменность, представляющую собой более низкую ступень эволюции письма.

Тут вроде бы всё ясно. Однако, как нам кажется, нельзя постулировать утверждение, что приведённое выше соответствие «тип языка – тип письма» не может быть нарушено в обратном

направлении. Другими словами, что более развитые языки не могут использовать письменность, подходящую для менее развитых языков. Убеждение в этой невозможности в своё время привело к тому, что когда М. Вентрис и Д. Чэдуик в начале 50х годов XX столетия наконец дешифровали критское линейное письмо Б, доказали, что оно служило для записи древнегреческого языка, то это вызвало довольно сильное смятение умов лингвистической общественности. Приходилось признать, что греки, уже стоя на стадии флективного языка, пользовались слоговой письменностью. А ведь ещё раньше (в 70х гг. XIX в.) был дешифрован классический кипрский силлабарий. Язык надписей, сделанных этим слоговым письмом, также был греческий. И относились надписи уже не ко II, а к I тысячелетию до н. э..

Но если греки с их флективным языком могли использовать для его записи силлабическую систему, то почему это невозможно для других народов с подобным типом языка? Нам кажется, возможно. Безусловно, в таком случае либо необходим очень значительный набор слоговых знаков, либо должно смириться с неточностями и неопределённостями в записи речи. Например, в уже упоминавшемся классическом кипрском силлабарии распространённый в словах греческого языка конечный согласный «s» всегда фигурировал на письме не иначе, как в составе слога «se», а в критском линейном Б от передачи на письме конечного согласного «s» пришлось вообще практически отказаться.

Но, тем не менее, в принципе невозможным употребление слоговой системы для записи флективных языков данные обстоятельства не делают. То же можно сказать и о других типах письма и других типах языка.

Однако основная масса исследователей до сих пор воспринимает связку «тип языка – тип письма» как твёрдо и однозначно заданную. Вот что пишет в этой связи В. А. Истрин применительно к славянским языкам: «... Для славянских языков (помимо первоначального пиктографического письма) удобно и приемлемо только вокализованно-звуковое письмо. Логографическое письмо не смогло бы привиться у славян, так как славянские языки отличаются богатством и разнообразием грамматических форм. Слоговое письмо было бы непригодно для славянских языков, так как языки эти отличаются многообразием слогового состава и нередкой встречаемостью смежных согласных... Наконец, консонантно-звуковое письмо было бы неприемлемо, так как в славянских языках согласные и гласные звуки выполняют одинаковые функции и, в частности, в равной мере участвуют в образовании корневых основ слов». Таким образом, мы с вами плавно переходим к одной из главных тем нашей книги – славянской письменности.

Ранее уже упоминалось, что слоговое письмо появились во втором-первом тысячелетиях до нашей эры. И в 1984 году появилось непопулярное в академической науке доказательство того что наши предки примерно в это время использовали слоговое письмо. В интервью журналистке «Советской России» О. Плахотной с заявлением о существовании в прошлом славянского слогового письма выступил Геннадий Станиславович Гриневич. Статья О. Плахотной называлась «Праславяне на Крите», и основной её темой была дешифровка знаменитого Фестского диска, которую Г. С. Гриневич осуществил исходя из предположения, что язык диска – праславянский. Напомним, что Фестский диск был обнаружен в 1908 году итальянской археологической экспедицией под руководством Луиджи Пернье при раскопках царского дворца на акрополе древнего города Феста (отсюда и название диска). Вместе с ним в одном из подсобных помещений дворца была найдена табличка, исписанная критским линейным письмом А. Однако письменность диска отличалась и от критского линейного письма А, и от критского линейного письма В. Многие исследователи пытались дешифровать диск. Есть определённые результаты, но официальное мнение таково: письменность Фестского диска признать расшифрованной нельзя.

Странно и необычно звучит, не так ли? Праславяне и древняя цивилизация Крита, – первая европейская цивилизация. Да, Г. С. Гриневича за его построения часто упрекали в ненауч-

ности, неисторичности и т. п. Заметим, однако, что историческая база в гипотезах Гриневича есть. Подвергался он критике и со стороны филологов и эпиграфистов. Мы не являемся ни филологами, ни эпиграфистами, и нам трудно судить, насколько аргументы критиков Г. С. Гриневича справедливы. Однако полагаем, что как бы там ни было, но точка зрения этого исследователя имеет право на существование.

Но вернёмся к Фестскому диску и приведём полностью перевод Г. С. Гриневича.

Сторона «А». «Горести прошлые не сочтёшь, однако горести нынешние горше. На новом месте вы почувствуете их. Все вместе. Что вам послал ещё господь? Место в мире божьем. Распри прошлые не считайте. Место в мире божьем, что вам послал господь, окружите тесными рядами. Защищайте его днём и ночью: не место – волю. За мощь его радейте.

Живы ещё чада Её, ведая, чьи они в этом мире божьем».

Сторона «Б». «Будем опять жить. Будет служение Богу. Будет всё в прошлом – забудем, кто есть мы. Где вы побудете, чада будут, нивы будут, прекрасная жизнь – забудем, кто есть мы. Что считать, господи! Рысиюния чарует очи. Никуда от неё не денешься, не излечишься. Ни единожды будет, услышим мы: вы чьи будете, рысичи, что для вас почести; в кудрях шлемы; разговоры о вас.

Не есть ещё, будем её мы, в этом мире божьем».

Не правда ли, красиво? Размышление о судьбе Руси и русичей, которые в диске именуются соответственно Рысиюнией и рысичами. Вполне возможная трансформация племенного имени исходя из названия тотемного животного – рыси. Но диск датируют XVII веком до н. э. Второе тысячелетие до н. э. и Русь, русичи. Да, звучит необычно, невероятно. Возвращаясь непосредственно к Фестскому диску, необходимо заметить, что это далеко не единственный его перевод. Таковых множество. Дешифровки проводились исходя из предположений, что язык диска семитский, греческий, хетто-лувийский. Но, как отмечалось выше, ни одну из дешифровок пока нельзя признать удовлетворительной. На этом фоне перевод Г. С. Гриневича выглядит очень даже неплохо.

Не останавливаясь на исторических подтверждениях гипотезы Г. С. Гриневича, рассмотрим лингвистические её подтверждения.

Прежде всего заметим, что славянское письмо типа «черт и резев» этот исследователь считает не примитивной пиктографией, а довольно развитой слоговой письменной системой. Им был реконструирован силлабарий, т. е. набор слоговых знаков, которыми пользовались славяне.

Каким образом ему удалось сделать это? Прочитруем самого Г. С. Гриневича: «Получив представление о типе и строе письма восточных славян, я провёл эпиграфический анализ и распределил знаки по группам, затем организовал их в соответствующие эпиграфические ряды. Содержание этих рядов было очевидным: знаки, их составляющие, должны означать слоги, начинающиеся на один и тот же согласный: Т – ТА, ТЕ, ТИ, ТУ или Н – НА, НЕ, НИ, НУ и т. д. Я также отождествил знаки дешифруемого письма с буквами кириллицы и глаголицы.

В результате из 87 линейных знаков праславянской письменности для 6 знаков, обозначающих гласные, были получены фонетические значения, а для 53 знаков слогов типа СГ (согласный-гласный) установлен согласный». Использовал Г. С. Гриневич и метод акрофонии (озвучивания).

При этом методе, по существу, просто угадывается пиктографическое значение знака (т. е. предполагается, какой предмет, животное и т. д. данный знак первоначально изображал). Затем это значение отождествляется со словом языка, исходя из которого производится дешифровка. У Г. С. Гриневича это славянский язык. Первый слог или одиночный звук данного слова и принимается за фонетическое значение знака. Акрофоническим способом Г. С. Гриневич прочёл, например, алекановскую надпись. Вот как он описывает процесс этого прочтения: «При чтении алекановской надписи на глиняном горшке, найденном Городцо-

вым В. А. под Рязанью, где знаки носят рисуночный характер и отождествляются с каким-либо предметом, я брал из названий изображённых предметов первый слог: ЗА (заяц), РЫ (рысь), ЦЕ, ЧЕ (целовек, человек). Достаточно отчётливо читались слова ЗАКРЫТ, ЧЕЛО, предлог В. Окончательный текст надписи содержал в себе лишь напоминание хозяйке: НАДОБЕ ЗАКРЫТЬ, В ЧЕЛО ВЪСАДИВЪ».

В принципе даже неспециалисту видны недостатки используемых Г. С. Гриневичем методов. Графическое сходство знаков ещё не означает одинаковости их фонетической нагрузки. Например, восьмиричное «и» кириллицы (И) и буква «н» современного русского алфавита пишутся почти одинаково, но фонетические значения у них абсолютно разные. Что касается акрофонии, то субъективность этого способа получения фонетических значений письменных знаков налицо. Кто-то в данной графеме увидит один предмет, кто-то – другой. Соответственно, и фонетические значения будут разные.

Но Г. С. Гриневич не единственный, кто использует в своих дешифровках указанные методы. Поэтому результаты его работ, как нам кажется, всё же заслуживают внимания. Мы здесь не будем подробно рассматривать достоинства и недостатки переводов этого исследователя, вдаваться в эпиграфические тонкости. Кто интересуется данными вопросами, того отсылаем к работам самого Г. С. Гриневича, а также к книге В. А. Чудинова «Загадки славянской письменности». Сейчас же продолжим изложение лингвистических аргументов Г. С. Гриневича, касающихся перевода Фестского диска.

Выше мы упомянули об отождествлении Г. С. Гриневичем силлабограмм славянской слоговой письменности с буквами кириллицы и глаголицы. На кириллицу приходится 10 таких тождеств. Однако все эти 10 кириллических букв – буквы греческого алфавита. Всего же в греческом алфавите 24 буквы. Таким образом, 10 знаков славянского письма типа «черт и резов» и греческого алфавита совпадают. Десять из двадцати четырёх – это свыше 40%. Отсюда Г. С. Гриневичем делается вывод, что можно говорить о родстве греческой и славянской письменностей.

Буквенное письмо (им является греческое) представляет собой более высокую ступень развития письменности, нежели слоговое (им является письмо типа «черт и резов»). Следовательно, слоговое письмо типа «черт и резов» на «древе» письменности располагается ниже греческого. Из него греки могли заимствовать отдельные знаки для своего алфавита, и никак не наоборот.

Однако общепризнанным считается положение, что греки заимствовали своё письмо у финикийцев. Г. С. Гриневич не оспаривает это положение. Но замечает следующее: 20 из 22 знаков финикийского алфавита соответствуют знакам слогового протобиблского письма. Протобиблское письмо до сих пор не расшифровано. Некоторые исследователи относят его к тому ряду письменностей, для которых характерен «эгейский» силлабарий.

Эгейское письмо, сложившееся на острове Крит в эпоху бронзы, образует особый тип письма, для которого характерны знаки, передающие только открытые слоги (согласный + гласный либо «чистый» гласный). По мнению Г. С. Гриневича, подобная особенность присуща и славянскому письму типа «черт и резов». Он относит это письмо к группе «эгейских» силлабариев. Внутри этой группы наиболее тесно связаны между собой критское иероглифическое письмо, линейное письмо А и линейное письмо Б.

Сопоставляя знаки линейных А и Б со знаками письменности типа «черт и резов», Г. С. Гриневич обнаружил практически абсолютную схожесть начертаний большого числа знаков этих письменностей. Следовательно, линейное письмо А и письмо типа «черт и резов» представляют собой просто родственные письменности, а скорее всего – единую письменность. Г. С. Гриневич дал ей название «праславянская». Напомним, что на линейный Б такой вывод распространить нельзя. Он расшифрован ещё в 50х годах XX века М. Вентрисом. Доказано, что он служит для записи греческого языка. Но в то же время линейное письмо Б, вне

всяких сомнений, происходит от линейного письма А. Следовательно, в плане типа письма и графики его тоже можно назвать родственным «праславянскому», хотя «праславянским» оно и не является.

Линейное письмо А (в официальной науке до сих пор считается нерасшифрованным) было расшифровано Г. С. Гриневичем исходя именно из предположения, что минойский язык – это праславянский. На нём говорили пеласги – одно из крупнейших племён Древнего Крита. То есть пеласги и есть праславяне.

Фестский диск написан, по мнению Г. С. Гриневича, именно минойским языком. Количество слоговых знаков в системе этого письма (их около 60, т. е. столько же, сколько в линейном А) свидетельствует о том, что они передают только открытые слоги, что характерно для звуковой структуры минойского языка. Тождественность минойского языка и языка Фестского диска вытекает также из следующих обстоятельств. Во-первых, из родственной географии текста диска и текстов, написанных линейным письмом А. Во-вторых, из анализа надписи на votивной (предназначенной для посвящения божеству) бронзовой двусторонней секире из святилища в пещере Аркалохори. Эта надпись содержит знаки обоих силлабариев (линеара А и Фестского диска). Данное обстоятельство служит важным подтверждением того, что обе слоговые системы предназначены для передачи на письме минойского языка (он же – праславянский). Линейное письмо А и письмо Фестского диска – единая праславянская письменность (в разновидностях).

Какая же схема вытекает из построений Г. С. Гриневича? Подведём итоги. Кириллица и славянское письмо типа «черт и резов» имеют 10 сходных знаков. Кириллица составлена на основе греческого алфавита, и десять указанных знаков также имеют «греческое происхождение». Более 40% букв греческого алфавита и знаков славянского письма типа «черт и резов» сходны, считая от 24 знаков греческого алфавита. Это даёт полное основание говорить о родственности славянского и греческого письма. Причём в данном случае речь не идёт о заимствованиях славян у греков, ибо слоговое письмо – это более низкий уровень развития письменности, чем буквенное. И вряд ли знаки фонетической письменности стали бы приспособлять к слоговому письму. Легче перенять саму фонетическую письменность. Так что приходится говорить о каких-то общих корнях. Но где их искать? Греки заимствовали свой алфавит у финикийцев. А последние 20 из 22 букв своего алфавита заимствовали из прото-библейского слогового письма. Оно не расшифровано, но, по всей вероятности, родственно критскому линеару А и письму Фестского диска, которые суть разновидности славянской слоговой письменности. Вот и общий корень – эгейские силлабарии. Греческий алфавит уходит своими корнями в славянские слоговые системы.

И волей-неволей напрашивается ещё один вывод, который, правда, пойдёт вразрез со взглядами Г. С. Гриневича. По нашему мнению, можно выдвинуть предположение, что протокириллические алфавиты, которыми пользовались славяне до создания кириллицы, не являются греческими заимствованиями (или, во всяком случае, являются не все). Они появились в результате трансформации славянской слоговой системы письма в буквенную. В дальнейшем святой ли Кирилл, его ли с Мефодием ученики лишь дополнили уже существовавший до них алфавит греческими буквами для передачи христианских имён и терминов и новыми славянскими буквами для передачи специфических славянских звуков. Последних в протокириллическом алфавите не было вследствие его несовершенности: трансформировать слоговую систему в буквенно-фонетическую – не такое уж простое дело.

Итак, вот новый взгляд на протокириллицу. Ранее мы упоминали о трёх глиняных табличках с загадочными рисуночными знаками, найденных в 1961 году близ маленького румынского посёлка Тэртэрии в Трансильвании. Мы говорили тогда, что тэртэрийские таблички методом радиоуглеродного анализа датированы пятым тысячелетием до нашей эры и что многие исследователи видят в знаках этих табличек письмо, самое древнее письмо на Земле.

Г. С. Гриневич сделал перевод знаков одной из табличек.

Почему только одной? На этот вопрос ответ нам не известен. Вероятно, в его распоряжении не было текстов двух других. Язык переводимой таблички, по мнению Гриневича, праславянский. «Тэртэрийские знаки в графическом отношении абсолютно идентичны знакам праславянской письменности...». Перевод следующий: «Дети примут ваши грехи... Держитесь около», т. е. держитесь детей своих.

Звучит невероятно. Действительно, не укладывается в голове, что славянское письмо может быть древнее египетского и шумерского. Уж очень это диссонирует с общепризнанными научными постулатами. Но тем не менее у всех этих построений есть научная основа. Сейчас скажем о ней кратко. Г. С. Гриневич (и не он один) считает праславянами трипольцев. Последние, в свою очередь, были прямыми наследниками культуры Винча-Турдаш, которой и принадлежат тэртэрийские таблички.

Не менее необычно будет звучать, что Г. С. Гриневич считает праславянскими этрусские надписи и надписи первых индийских цивилизаций – Хараппы и Мохенджо-Даро. И у таких утверждений тоже есть историческая основа. К сожалению, мы не располагаем возможностью привести хотя бы некоторые из дешифровок этрусских и протоиндийских надписей.

Г. С. Гриневич подвергся уничтожающей критике как со стороны историков, так и со стороны филологов-языковедов. Однако необходимо отметить, что в научном мире у него есть и сторонники. Приведём несколько их высказываний.

Вот что писал профессор Белградского университета, президент Сербского фонда славянской письменности и славянских культур Р. Н. Мароевич по поводу вышедшей в 1993 году книги Г. С. Гриневича «Праславянская письменность. Результаты дешифровки»: «Речь идёт о капитальном труде, составляющем эпоху исследований, который отодвигает начало славянской письменности и славянской истории на несколько тысячелетий назад. Это книга, с которой начинается новое направление в славистике – изучение праславянской слоговой письменности и после которой методологически будем различать, с одной стороны, новую (фонетическую, гласно-согласную) славянскую письменность Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей и, с другой стороны, собственно праславянскую письменность, письменность „праславянских рун“, письменность „черт и резов“, основанную на слоговом принципе, которая и может укорениться благодаря действию фонетического закона „открытых слогов“ в праславянском. На существование праславянской письменности до Кирилла и Мефодия указывали многочисленные факты».

Филолог А. К. Прийма так оценил результаты Г. С. Гриневича: «Г. С. Гриневич умудрился содеять практически невозможное. Он сделал научное открытие принципиального толка в той области гуманитарных знаний, которая, казалось бы, была уже изучена лингвистами и отчасти историками вдоль и поперёк. Г. С. Гриневич окинул, если можно так выразиться, абсолютно свежим взглядом дошедшие до наших дней образчики письменности типа „черт и резов“, а также пиктографического типа и... прочитал начертанное на тех образчиках. Выяснилось, что древнейшие памятники письменности на евразийской континентальной плите были составлены – все до одного! – на праславянском языке. Попутно выяснилось также, что у истоков индоевропейской цивилизации лежала праславянская культура».

Авторы «Пособия по истории России для школьников, студентов, преподавателей» А. и В. Сторожевые в предисловии к своей книге отметили: «Особая роль в создании этой книги принадлежит труду замечательного переводчика древнеславянских текстов Г. С. Гриневича... Фактически Г. С. Гриневич своей работой предоставил тот уникальный лингвистический материал, который стал опорой материалу историческому и укрепил стремление авторов этого издания к разработке особого направления исторического исследования».

Кто прав – сторонники или противники Г. С. Гриневича, – покажут время и новые научные исследования. Сейчас же скажем, что на данный момент Г. С. Гриневич, не единствен-

ный учёный, который разрабатывает тему славянского слогового письма. Ещё одним является В. А. Чудинов. О результатах его работы у нас и пойдёт сейчас речь.

В. А. Чудинов начал, если можно так выразиться, с начала, т. е. он попытался теоретически обосновать возможность слогового письма у славян в прошлом. Подобным обоснованием, по его мнению, служат «живые» остатки древнего письма в одном из современных славянских языков – русском. Что это за живые остатки?

Во-первых, правила переноса. Согласно им, нельзя переносить или оставлять на строке одну букву, а слоги желательно оставлять открытые. В английском языке, напротив, перенос требует разбивки на закрытые слоги (слово «имидж» будет разбито как «им-идж»; с позиций русского языка это слово вообще неделимо и непереносимо). Иными словами, даже сегодня русские слова как бы делятся на древние морфемы (мельчайшие значимые части слова), звучащие как открытые слоги, и мы их оставляем на строке так, чтобы удовлетворить как бы требованиям древнего читателя, если бы он ухитрился дожить до наших дней. Это всего лишь традиция, немотивированный анахронизм, т. к. современные слоги семантической, т. е. смысловой, наполненности не имеют. Традиция, являющаяся следствием слогового характера древней славянской письменности.

Во-вторых, слоговая организация современного русского письма. Русская графика, по мнению В. А. Чудинова, пока во многом удерживает слоговое изображение слова. До сих пор в наших буквах сохранились чисто слоговые знаки – Я, Ю, Е, Ё, передающие слоги ЙА, ЙУ, ЙЭ, ЙО при единичном употреблении этих знаков или при их постановке в начале слова, или иногда слога. Слоговым ещё в начале XX века был и знак И в словах ИХ и ИМ (произносилось ЙИХ и ЙИМ). В школьной грамматике эти знаки называют буквами для обозначения гласных звуков, что, вообще говоря, неверно, ибо при отдельном расположении, как уже упоминалось выше, они образуют слоги. Однако после согласных они действительно обозначают гласные звуки. Итак, даже современная русская азбука содержит силлабографы, слоговые знаки, хотя и в небольшом количестве.

Далее. В современном русском написании мы встречаем согласные с буквами Ъ и Ь. Эти диакритические знаки нельзя считать буквой в полном смысле этого слова, ибо в наши дни перед согласными они не обозначают никакого звука, а лишь смягчение предшествующего согласного, хотя перед гласными они обозначают звук Й и тогда являются буквой. До реформы написания в 1918 году сфера применения диакритического Ъ была шире. Так что хотя в наши дни предлоги и частицы В, К, С, ЛЬ понимаются как один звук, в графике начала XX века они выглядели слогами ВЪ, КЪ, СЪ, ЛЬ, а тысячу лет назад и произносились как открытые слоги, где Ъ обозначал сверхкраткий звук А/О, а Ь – сверхкраткий Е/И. В пословицах и народных песнях до сих пор сохранились предлоги с гласными полного образования: «не КО двору»; «СО вьюном я хожу»; «ВО поле берёза стояла» и т. п. Так что современная графика сохранила нам слоговый облик ряда слов, которые уже много веков произносятся как отдельные согласные звуки. Более того, для мягких (палатальных) вариантов согласных в русском гражданском шрифте используются не особые буквы и не диакритические знаки над буквами (как в западнославянских языках, принявших латиницу), а как раз силлабографы. Тем самым мы не можем оценить, твёрдый или мягкий вариант согласного помещён в слове, пока мы не увидим после согласного знак Ъ или его отсутствие. Иными словами, в современном русском языке мягкость согласного обозначается не буквенным, а слоговым способом. Данные примеры, приводимые В. А. Чудиновым, равно как и правила переноса, указывают на то, что русская графика по своему строению до сих пор во многом сохранила свою слоговую организацию, хотя сами слоги теперь изображаются гласными и согласными буквами.

Этого не могло произойти, считает В. А. Чудинов, если бы славяне сразу стали писать буквами. Но это вполне закономерно, если считать, что славяне перешли от слоговой письменности к буквенной, сохранив уже укоренившиеся навыки.

Третьим «остатком» слоговой письменности в современном русском языке является, по мнению В. А. Чудинова, слоговая организация чтения. Многие взрослые, обучающие своих детей чтению, замечают, что произношение «чистых» букв не вызывает у детей знакомого акустического образа, т. е. слово, разбитое на буквы, становится неузнаваемым. Для получения смысла слово должно быть прочитано по «складам» (слогам). Обучение чтению по слогам имеет в России давнюю традицию. До революции 1917 года в школах существовала практика заучивания слогов: БУКИ + АЗ = БА-БА; ВЕДИ+АЗ = ВА-ВА и т. п. Есть и более древний пример – знаменитый туесок мальчика Онфима из Новгорода, относящийся к первой трети XIII века. Как известно, на днище туеска изображена кириллическая азбука. Но после азбуки здесь находится изображение слогов, сначала с А (БА, ВА, ГА и т. д.), затем с Е и И. Найдена в Новгороде и берестяная грамота конца XIV – начала XV века, на которой вслед за буквами азбуки прорисованы слоги. Это означает, что и в древности изучению слогов уделялось большое внимание, что слоги изучались тотчас же за изучением букв как прямое продолжение изучения азбуки. В современных школах этот этап обучения тоже присутствует, только он завуалирован тем, что в букварях помещают специальные тексты, прекрасно членившиеся на открытые слоги. Например, МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ.

Кроме того, современные буквы имеют слоговое чтение в аббревиатурах, причём иногда это чтение отличается от названия буквы в азбуке. Например, аббревиатура ФРГ: Ф читаем как ФЭ (отлично от названия буквы в азбуке); Р как ЭР (чтение совпадает с названием, но налицо слоговое название); то же самое можно сказать и про прочтение в данном конкретном случае буквы Г (читается ГЭ). По сути дела, мы здесь сталкиваемся не с одним, а с двумя пережитками слоговой традиции: слоговое чтение аббревиатур и слоговое название букв азбуки.

Это последнее стало настолько привычным, что вытеснило их прежние названия в виде значимых слов – АЗ, БУКИ, ВЕДИ и т. д. Однако тут есть любопытные отклонения: если основное большинство букв называется или по их произношению (гласные), или открытым слогом (согласные? БЭ, ВЭ, ГЭ и т. п.), то ряд согласных назван иначе – прежде всего это группа ЭЛЬ, ЭМ, ЭН, ЭР, ЭС. По мнению В. А. Чудинова, тут, вероятно, сказываются очень древние традиции (II, 58; 375). Однако заметим, что в просторечии названия всех этих букв не «выбиваются» из общего ряда, то есть передаются открытым слогом: ЛЭ, МЭ, НЭ, РЭ, СЭ. На наш взгляд, именно это неправильное произношение названий букв и есть след древней традиции, другими словами – слогового чтения.

Итак, реликтов слоговой письменности даже в современном русском гражданском письме довольно много. Но тогда логично предположить, что их должно быть ещё больше в прежние века, во времена Киевской Руси например. Находка таких реликтов в письменных памятниках той эпохи послужила бы ещё одним хорошим доказательством существования у славян слогового письма, предшествовавшего буквенному. В. А. Чудинов это прекрасно понимает и приводит массу примеров консонантной записи кирилловских текстов, т. е. записи слов одними согласными буквами с пропуском гласных. Это новгородские берестяные грамоты, также новгородские надписи на посуде и разного рода сосудах, граффито на стенах Софийского собора Новгорода, грамота из Старой Русы, надпись на подсвечнике из Гродно, надпись на кресте Манасии из села Цар Асен в Болгарии и т. д., список можно долго продолжать. Примеры эти хорошо известны учёным, их хронологические рамки – X – XVI века. Подобная «консонантность» ставила и ставит исследователей в тупик, ибо, исходя из современных исторических постулатов, объяснять её трудно. Будь такие надписи единичными, то их можно было бы считать выполненными с ошибкой (ошибками). Но поскольку их много, такое объяснение не подходит. Широкое использование сокращений – вот ещё один вариант разрешения загадки. Но тут же возникает вопрос: чего это наши предки так любили сокращать? Подобное можно понять, когда речь идёт о больших текстах. Но когда текст состоит из одного-двух слов, которые к тому же являются украшением бытового предмета или знаком собствен-

ности на нём, эти «сокращения», представляющие собой либо полностью консонантную запись слова (т. е. без гласных вообще), либо «пропуск» отдельных гласных в слове, на самом деле являются, по мнению В. А. Чудинова, реликтами слогового письма.

Как видим, доказательства существования слоговой письменности у славян, приводимые В. А. Чудиновым, выглядят весьма убедительно. Анализируя указанные консонантные кирилловские надписи, а также надписи, выполненные разного рода загадочными письменами, о которых мы говорили выше, В. А. Чудинов сделал следующие выводы, касающиеся славянского силлабария:

1) Славянское слоговое письмо имело обычный порядок чтения, слева направо, т. к. не обнаружено ни одной кирилловской или консонантной надписи, читаемой справа налево или способом бустрофедон (одна строка слева направо, другая – справа налево). Вместе с тем был возможен особый стиль слогового письма, когда слова писались по вертикали, но следовали друг за другом всё равно слева направо. При этом обычно слова читались сверху вниз, хотя иногда было допустимо и чтение снизу вверх, пересечения типа Х или креста, стрелочки, двойные палочки. Есть знаки, напоминающие греческие, латинские или славянские буквы: П, Ф, З, М, Л, К и другие. Данная простота и сыграла со славянским слоговым письмом злую шутку. В одних случаях его знаки вообще не принимались во внимание, т. к. считались простыми царапинами. В других – их считали латинскими или греческими буквами, либо германскими рунами. Соответственно латинским, греческим или германским считался и текст. Графическая форма знаков славянского силлабария очень проста. В. А. Чудинов исходит из предположения об особой древности славянской письменности; её возраст измеряется тысячелетиями. Эта древность исключает вычурный характер знаков. Их репертуар включает ряд палочек (горизонтальных, вертикальных, наклонных), углы (четыре вида), два вида полукружий. Есть в славянском слоговом письме ветвящиеся знаки типа Y, У,

3) В славянском слоговом письме очень часто употреблялись лигатуры. Лигатуры известны и по кириллическим текстам. Но там они встречаются довольно редко и объединяют две, ещё реже – три буквы. В слоговом письме лигатуры встречаются много чаще и объединяют большее число знаков. Это также послужило для него своеобразным камуфляжем, ибо подобные сложные неповторяющиеся символы принимались большинством специалистов за знаки собственности.

4) В слоговой славянской письменности точность передачи звуков письменными знаками была невысока. Это вообще чуждо для славянской письменности в её буквенной форме, но является особенностью слогового письма как такового, на любых языках. В чём конкретно выражалась вышеозначенная неточность? Прежде всего, в слоговой славянской письменности часто неразличимы звонкие и глухие согласные. Например, знак может означать как слог КО, так и ГО. Кроме того, гласные звуки как бы объединены в две группы. Первая – это А, О, У, Ъ; вторая – Е, И, Ы, Ь. Внутри этих групп различие между гласными проводится нерегулярно. То есть знак? может означать не только слоги КО и ГО, но и КА, КУ, КЪ, ГА, ГУ, ГЪ. «Тем самым, – делает вывод В. А. Чудинов, – славянская слоговая графика передаёт, скорее, некоторый фонетический остов слова, чем его подлинное звучание».

Метод, каким В. А. Чудинов получил значения конкретных силлабограмм, весьма интересен. Прежде всего, путём теоретических рассуждений он пришёл к следующим выводам. Слоги с А/О должны быть отличимы от слогов с Е/И, образуя отличия первого порядка, отличия довольно сильные (собственно, это противопоставление, носящее название противопоставления гласных переднего и непереднего рядов, свойственно даже детской речи). Различия же между слогами с А и О или между слогами с Е и И есть отличия второго порядка и должны быть выражены слабее. Отличия между слогами с О и У или И и Ы ещё менее регулярны. Слоги со сверхкраткими гласными (Ъ, Ь) совпадают при написании со слогами с гласными нормальной длительности (А/О, Е/И соответственно). Далее. Предположительно,

до определённого периода мягкие и твёрдые согласные не различались в речи и, соответственно, не различались и на письме. Глухие и звонкие же различались непоследовательно и допускали оглушённые и озвончённые написания. Не должно было существовать особых знаков для молодых согласных звуков Ф и Х. По мнению В. А. Чудинова, «все эти соображения приводят к резкому сокращению репертуара слоговых знаков как против теоретически возможного, так и против конкретного силлабария письменности „черт и резов“ Г. С. Гриневича».

Следующим шагом исследователя было создание так называемого славянского виртуального консонария, под которым он понимает набор знаков, имеющих буквенное написание, но слоговое значение. Как подчёркивает В. А. Чудинов, «виртуальный консонарий – это моя попытка упорядочить все чтения букв в качестве слогов». В его построении учёному помогли упоминавшиеся выше древнерусские и болгарские консонантные надписи, а также следы слогового письма, сохранившиеся в современной русской графике (йотированные гласные звуки Я, Е, Ё, Ю, И, представляющие собой типичные открытые слоги, начинающиеся с согласного Й) и в названиях современных русских букв (об этом говорилось выше). В итоге была получена таблица сочетания согласного с произвольным гласным звуком, в которой различаются только гласные переднего и непереднего ряда.

В ходе исследования конкретных славянских надписей, содержащих загадочные знаки, В. А. Чудиновым устанавливались слоговые значения последних. Как это делалось? Способы были различны, в зависимости от обстоятельств. Но очень характерно название соответствующего раздела его работы «Загадки славянской письменности», в котором как раз и показывается методика определения значения каждого конкретного слогового знака. Раздел называется «Можно ли угадать звучание знаков?» Разумеется, подобное «угадывание» делалось не просто так, не «с бухты-барухты» или «как бог на душу положит», а на основании каких-то обстоятельств. У нас нет возможности продемонстрировать в нашей главе, как определялось значение каждого слогового знака. Но один пример всё-таки приведём. На самшитовом гребне из древнего Берестя (современный Брест) XII – XIII веков можно видеть азбуку. Буквы кириллического алфавита в их древнерусском написании вырезаны по обеим сторонам гребешка – с одной стороны от А до Е, а с другой – от Ж до Л, включая двоякое написание И и З. Именно на этой стороне между буквами З, ЗЕЛО и ЗЕМЛЯ, находится вертикальная черта, означающая вынос, и слитно с ней под линией строки располагается выносной знак в виде не очень аккуратного косоугольного креста. На взгляд В. А. Чудинова, так изображён знак слоговой письменности, являющийся слоговой транслитерацией буквы ЗЕЛО, которая в силу редкого употребления была не очень понятна населению. В аккуратной прорисовке он должен походить на букву Х. Поскольку обозначен знак с чтением ЗЪ, то звуковое значение слогового Х – это ЗЪ.

В результате подобных построений В. А. Чудиновым был создан силлабарий слоговой славянской письменности.

Приведём некоторые из дешифровок В. А. Чудинова.

Знаменитая алекановская надпись дешифруется: «Пить! Напейся дико, в горло всадив». Имелось в виду «всадить в своё горло» содержимое сосуда. Иными словами, по мнению учёного, перед нами – питейный девиз на кувшине с вином. Надпись на бараньей лопатке переводится: «Живо же моё рало, и конь, и Русь, вольная и явная». Надпись эль Недима: «Бери его и веди к братанам». Вспомним, что эта надпись на куске дерева представляла своего рода пропуск для посла, едущего на Русь. По предположению В. А. Чудинова, последнего, прежде чем допустить к князю, должны были для выяснения личности доставить к князьим дружинникам, которые, как известно, занимали административные посты. Отсюда и «братаны», т. е. дружинники, бывшие друг для друга как бы братьями. Надпись Христо Даскалова: «Надежды наши на бога. Веруй, люби нашего благого живого бога, белого в небесах». Здесь пояснений не нужно.

Дешифровку славянских слоговых надписей В. А. Чудинов поставил буквально «на поток». Только в его книге «Загадки славянской письменности» приведено свыше 50 прочтений различных надписей. Вообще же таковых прочтений у учёного ещё больше. Интересующихся подробно процессом создания силлабария, конкретными дешифровками отсылаем к вышеозначенной работе исследователя и его статьям в различных журналах. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство.

В. А. Чудинов является научным оппонентом Г. С. Гриневича. Его работы он подвергает критике как с позиций эпиграфистики, так и с исторических позиций. Между тем самим В. А. Чудиновым, в отличие от Г. С. Гриневича, исторической концепции славянской письменности не создано. Если Г. С. Гриневич утверждает, что возраст славянского письма насчитывает тысячелетия, то он и указывает, какие конкретно народы, известные по письменным источникам, какие археологические культуры были его носителями, т. е. какие народы были непосредственными предками славян, какие археологические культуры ими создавались.

Критикуя Г. С. Гриневича за эти построения, Чудинов ничего не предлагает взамен. Может, он не считает, что славянское письмо столь древнее? Да нет. Некоторые его высказывания позволяют думать, что он также полагает, что история письменности славян и их непосредственных предков насчитывает не столетия, а именно тысячелетия. Так, комментируя слова Татищева о том, что славяне, обитая в эпоху Древнего мира рядом с евреями, египтянами, греками и италийцами, могли перенять от них письменность, Чудинов замечает: «Это интересные представления, хотя я больше склоняюсь к противоположному мнению, а именно, что праславяне и были носителями письма, тогда как другие народы перенимали его у них». Или, описывая графическую форму письма славян, он говорит дословно следующее: «Славянское слоговое письмо имеет очень простую внешнюю форму, которая складывалась тысячелетиями...». Однако столь древние славяне-праславяне как бы повисают у В. А. Чудинова в воздухе. Где они находились? Почему о них молчат источники? Или под каким именем они были известны в древности? Какие археологические культуры древности ими созданы? На эти вопросы учёный ответа не даёт. Другими словами, его эпиграфическим выкладкам не хватает исторического фона. Будем надеяться, что в будущем, в следующих своих работах, исследователь осветит указанные проблемы.

Зато бесспорным достоинством построений В. А. Чудинова является хорошая разработка вопроса взаимодействия слоговой славянской письменности с глаголицей и кириллицей.

По мнению В. А. Чудинова, «роль слогового письма в возникновении глаголицы не только значительна, но и основополагающа. Без него этой азбуки просто не было бы. Влияние других алфавитов (рунического футарка, греческого, кириллицы. –) велико, но они лишь дополняли уже существующую азбуку отдельными элементами». Остановимся на этом утверждении подробнее. *И.Д.*

Как полагает В. А. Чудинов, практически все согласные буквы глаголицы произошли от знаков славянского силлабария. Глаголические гласные своим происхождением обязаны принципу, положенному в основу образования гласных в германском руническом алфавите. Дело в том, что в слоговой славянской письменности все гласные буквы обозначались одинаково, одной палочкой, чаще вертикальной», реже – наклонной «\» или «/», и ещё реже – горизонтальной,» – ». Ясно, что для передачи гласных звуков посредством букв эти палочки должны быть дифференцированы, то есть снабжены какими-то дополнительными штрихами. Именно по этому пути пошли германские руны. Принцип получения разнообразия гласных букв в футарке и был использован в глаголице. |

Влияние кириллицы, по предположению В. А. Чудинова, выразилось в том, что «юсы» в глаголице появились после того, как они появились в кириллице. Во всяком случае, из кириллицы заимствовано название, хотя сами графические знаки (без этого названия) могли появиться одновременно с прочими буквами.

Наконец, появлением букв «фита» и «омега» глаголица, безусловно, обязана греческому алфавиту.

Вообще исследователь выделяет шесть периодов в формировании глаголицы.

В первый период буквы глаголицы понимались как лигатуры слоговых знаков. Точнее, графическая форма букв являлась точной записью названий, тогда как названия слагались несколькими способами: повторением названия слогового знака (ША, ЦЫ), прочтением составных частей получившейся графемы по аналогии со слоговыми знаками (например, БУКИ состоит из знаков, похожих на слоговые знаки БЪ и КИ; ВЕДИ – из знаков, напоминающих ВЪ и ДИ и т. д.), разложением сложного звука на составные части и отражением этого в названии лигатуры (так, буква ШТА – это лигатура слоговых ША и ТА; при написании ТА даётся двойным контуром; итог –). На данном этапе влияние слоговой письменности наиболее значительно, поскольку слоговые знаки дали и графику, и названия букв. При этом гласные обозначались слоговым способом, т. е. просто палочкой, и понимались в зависимости от контекста. А согласные не различались по звонкости-глухости и мягкости-твёрдости. Иными словами, на азбуку были перенесены все особенности слоговой письменности. Вероятное употребление такой протоглаголицы – вкрапление её в чисто слоговые тексты для начертания произношения чужих имён и вообще иностранных слов в тех случаях, когда слоговая графика не даёт однозначного чтения.

Во второй период произошло обращение к германским рунам в славянском употреблении, для того чтобы различать гласные звуки.

В третий период идёт совершенствование глаголицы на основе нововведений. К ним В. А. Чудинов относит: появление удвоенного гласного УК, гласных Ю, Ъ, Ы, Ь, согласных ТВЁРДО, СЛОВО, двойного контура в начертании букв, знаков озвончения, мягкости и твёрдости. После этих усовершенствований азбука способна передавать все тонкости славянской речи и гораздо тоньше воспроизводить звуки иных языков. Теперь её уже можно назвать ранней глаголицей (на предыдущих двух этапах она – протоглаголица). Это уже самостоятельная письменность, а не набор знаков для лучшего понимания слоговых текстов. Однако у глаголицы ещё нет жёсткой последовательности знаков.

На четвёртом этапе глаголицу привязывают к греческому образцу: появляются греческая последовательность букв, их числовые значения, подражание греческой графике. Происходит введение ряда греческих букв в алфавит: «иже» (греческая «эта»), «ижица» (греческая «ипсилон»), «омега», «фита». На основе «альфы» была образована глаголическая буква «ять». Редактором, усовершенствовавшим глаголицу в подобном ключе, по мнению В. А. Чудинова, вполне мог быть святой Иероним в конце IV века н. э.. Глаголицу уже можно назвать поздней.

На пятом этапе в глаголице появляются носовые гласные. Уже существует кириллица, и под её влиянием в глаголице вводятся названия «юсов» и «еров».

На шестом этапе глаголица распадается на два графических варианта – уставный (хорватский) и курсивный (болгарский).

Итак, глаголица, как полагает Чудинов, возникла эволюционным путём, прошла длительный (несколько веков) путь становления и развития. Но её прародитель – это слоговое славянское письмо.

Роль последнего в возникновении кириллицы скромнее, но и тут не обошлось без его влияния. Четырнадцать негреческих букв кириллицы, которые исследователи выводили из разных систем письма, В. А. Чудинов считает произошедшими от знаков славянского силлабария (либо непосредственно, либо опосредованно – через глаголицу).

После возникновения азбук наступил этап совместного существования двух типов славянского письма. Сосуществование прошло несколько стадий.

На начальном этапе слоговое письмо сохраняет свои позиции везде, кроме христианской литературы. Население приступает к изучению азбуки во взрослом состоянии, изучив в детстве слоговое письмо. Это продолжается несколько десятилетий.

На этапе активного наступления азбука постепенно проникает в другие сферы жизни: для записи государственных и правовых актов, в денежное обращение, в легенды печатей, в светскую литературу. Азбуку начинают изучать в детстве, приводя буквы к слога́м в виде складов. Этот период характеризуется тремя видами влияния слогового письма: сознательными смешанными надписями, включая слоговые пояснения кирилловских букв; неосознанными слоговыми описками в буквенном тексте; слоговым чтением кирилловских букв. Продолжительность этапа – от нескольких десятилетий до двух-трёх веков, в зависимости от местности. Именно на этом этапе происходит размежевание письма по сферам употребления: кириллица оказывается основным шрифтом, тогда как слоговое письмо уходит на социальную и территориальную периферию. Иными словами, кириллица становится официальной письменностью, тогда как слоговое письмо превращается в простопись, письменный вариант просторечья, что-то вроде письма малограмотных, употребляемого для бытовых нужд.

На этапе вытеснения происходит частичное забывание слогов как знаков и появление слоговых ошибок. Самым важным показателем этого процесса оказываются буквенные описки в слоговых текстах, когда слоговые знаки понимаются как согласные буквы, после которых требуется писать гласную букву. Стиль слоговой письменности из простописи переходит в разряд традиции, которую уже помнят плохо.

На заключительном этапе многие перестают понимать слоговые знаки, которые становятся достоянием лишь горстки людей. Теперь слоговое письмо превращается в тайнопись, понятную либо жителям уж очень глухих мест, либо только посвящённым, например в рамках гонимой конфессии. Для основной массы людей оно просто перестаёт существовать, и его тексты начинают путать с письменами других народов, которые всё равно одинаково непонятны. Фаза эта может занимать всего пару десятилетий.

Вот такая периодизация. На наш взгляд, она обладает безусловным плюсом, показывая длительность совместного существования двух типов письма: буквенного и слогового. Появление первого не привело к быстрому исчезновению второго. Сдача позиций слоговым письмом происходила долго.

С другой стороны, данную периодизацию можно в полной мере отнести лишь к взаимоотношениям кириллицы со слоговым славянским письмом. В таком случае и территориально применение этой периодизации ограничено теми славянскими странами, где кириллица стала господствующим шрифтом, т. е. Русью, Болгарией, Сербией.

Перенести периодизацию автоматически на отношения слогового письма и глаголицы, пожалуй, затруднительно. Во-первых, возникла глаголица, по всей вероятности, значительно раньше кириллицы (даже если мы будем говорить о протовариантах этих азбук). Стало быть, вышеописанный начальный этап никак не мог занять всего лишь десятки лет, он занимал сотни. Во-вторых, в отличие от кириллицы, глаголица нигде не стала официальной государственной письменностью. Да, какое-то время она использовалась в Древней Болгарии наравне с кириллицей, но довольно быстро была вытеснена последней. Даже допуская, что известна в той же Болгарии глаголица была значительно раньше кириллицы, тем не менее активно вытесняла слоговое письмо не она (имеется в виду выделенная В. А. Чудиновым фаза активного наступления азбуки). Глаголица так и осталась церковной письменностью для некоторых славянских народов (хорватов, словенцев). У славян, принявших католичество, этапы активного наступления азбуки, вытеснения и заключительный слоговое славянское письмо переживало под воздействием не глаголицы, а латиницы.

Оканчивая обзор построений В. А. Чудинова, хотелось бы обратить внимание на следующий нюанс. Как могли древние славяне называть своё слоговое письмо? Здесь, конечно,

нам остаётся только гадать, и, безусловно, речь в большей степени идёт о выборе современного научного термина. Г. С. Гриневиц использует термин, профигурировавший у черноризца Храбра: «черты и резы», письмо типа «черт и резов». Однако В. А. Чудинов вслед за большинством учёных считает «черты и резы» примитивной пиктографией (знаки собственности, родовые тамги, символы для счёта и гадания). Отмежёвывается он и от понятия «славянские руны», ибо, по его мнению, оно ведёт к путанице, так как под этим термином в XIX веке понимали германские руны в славянском употреблении, то есть буквенные, а никак не слоговые знаки. «Лично я, – заявляет исследователь, – предпочитаю термин „руница“, который тоже иногда встречается».

Позволим себе заметить следующее. Если набор слоговых знаков именовать «руница», то сами эти знаки волей-неволей придётся называть «рунами». Мы не видим ничего страшного в употреблении термина «руны». Прежде всего потому, что совсем не обязательно ориентироваться на то, что понималось под этим термином в XIX веке. Сейчас XXI век. Историческая наука ушла далеко вперёд, и какие-то старые определения вполне могут быть отброшены. Далее. Именно рунами могли именовать славяне (праславяне, русы) знаки своей письменности. Это название могли носить сначала слоговые, а затем, по наследству, и буквенные знаки. Хоть и звучит словосочетание «славянские руны» необычно.

Тему возникновения письменности у европейцев и китайцев, думается нам, теперь затрагивать нет большого смысла, поскольку в данной книге рассматривается не то, какая письменность самая древняя, а то, какая из предсказательных систем древней. С Таро все немного сложнее. Но мы уверены, что после прочтения этой работы полностью читатель сам сможет сделать надлежащие выводы. Скажем лишь, что работает то же правило Декарта, поскольку Таро – это дополненная система. Прямая наследница Ретрарха. А руника спрятана в графическом построении иллюстраций Великих арканов. В то время как германо-скандинавские руны и Книга Перемен хоть и производные, но все-таки на наш взгляд вполне самостоятельные системы.

Руны города Ретры, они же руны Ретрарха, как ступень в эволюции славянской письменности, датируются восьмым веком до н. э. Об этом подробно поговорим позже. Сейчас перейдем к обоснованию датировок остальных, более поздних, систем.

Датский филолог Людвиг Франц Адальберт Виммер, профессор Копенгагенского университета, первый проложил путь научному исследованию рун, доказав в своем сочинении «Runeskiftens oprindelse og udvikling i norden» («Происхождение и развитие рунического письма на Севере») то, что руны не имеют самостоятельного германского происхождения, а возникли во II или III столетии от Р. Хр. из латинского алфавита. Фактически, рунология как наука в жестком современном понимании этого слова начинается именно с него. Так, работы его предшественника Оле Ворма, бесценные в отношении собранного им материала, были лишены четкого и безукоризненно логичного механизма обработки анализа данных. Именно такой механизм и разработал Виммер. В своей книге ему удалось, помимо всего прочего, сделать два вывода, значение которых невозможно переоценить.

Во-первых, он доказал, что руны не появились «из ниоткуда» (как считали до него), и руническое письмо развилось путем заимствования литер более древних европейских письменностей.

Во-вторых, он доказал – читатели, не знакомые с «довимеровской» рунологией XIX века, будут смеяться, – что Старшие руны (Футарк) старше Младших рун. Действительно, у опровергнутого Виммером мнения было тогда немало своих сторонников, полагавших, что алфавит может развиваться только в сторону увеличения общего числа знаков – т.е. только путем появления новых символов или видоизменения старых. (На этом настаивал, например, Вильгельм Гримм.)

Именно после Людвиг Виммера рунология стала той наукой, о которой спустя много лет Карл Марстрандер скажет, что «рунология – это палеография, лингвистика, археология и мифология».

Происхождение Таро, как утверждает в своей «Книге Тота» Алистер Кроули, весьма туманно. Некоторые знатоки стремятся отдалить его до Египетских Мистерий, другие пытаются приблизить до пятнадцатого или даже шестнадцатого столетия. Но Таро определенно существовало в, можно сказать, классическом виде уже в четырнадцатом веке, тогдашние колоды сохранились, и форма Таро с тех пор не изменилась в сколь-нибудь значительной степени. В Средние Века эти карты часто применялись для предсказания судьбы, особенно цыганами, поэтому привычно стало называть Таро «цыганским» или «египетским». Когда же выяснилось, что цыгане, несмотря на этимологию их названия, происходят из Азии, кое-кто пытался найти истоки Таро в индийском искусстве и литературе. Нам здесь нет необходимости вступать в обсуждение этих спорных вопросов.

Вот что еще пишет Кроули о происхождении Таро: «... один эпизод совсем недавней истории, свидетели которого еще живы, весьма интересен, крайне важен и, как будет далее показано, имеет очень замечательное продолжение. В середине девятнадцатого столетия появился великий каббалист и ученый, который до сих пор раздражает людей своей привычкой забавляться за их счет, дурача их даже посмертно. Звали его Альфонс Луи Констан, и был он аббатом Римской Церкви. Выбирая себе «nom-de-guerre», он переименовал собственное имя на древнееврейский лад – Элифас Леви Захед – и стал широко известен как просто Элифас Леви. Он был философом и художником, а кроме того, прекрасным литератором и шутником-практиком того типа, который называется «Prince sans rire»; художника и глубокого символиста, его чрезвычайно привлекало Таро. Будучи в Англии, Леви предложил Кеннету Маккензи, известному ученому оккультисту и франкмасону высокой степени, воссоздать научно обоснованную колоду.

В своих письменных трудах он по-новому представил козыри Таро, называемые Колесницей и Дьяволом. Похоже, он понимал, что Таро – это, фактически, образная форма каббалистического Древа Жизни, каковое является фундаментом всей Каббалы, и даже основывал на нем композицию своих работ. Он задумал написать самый полный трактат о Магии. Этот предмет Леви разделил на две части – Теорию и Практику, – которые назвал Догмой и Ритуалом. Каждой из частей посвящено двадцать две главы, по главе на козырь Таро; и каждая глава раскрывает тему, представленную картиной соответствующего козыря. Насколько важна точность соответствий, станет понятно в должное время. И тут мы подходим к небольшому усложнению. Главы-то соответствуют козырям Таро, но соответствие – неверное; это можно объяснить лишь тем, что Леви ощущал себя связанным обетом тайны перед Орденом Посвященных, передавшим ему секреты Таро.»

Получается, что Таро берут свой исток в первом – третьем веке нашей эры. Но. Это лишь попытка подвести научную базу под существующую систему. Причем попытка не без изрядной доли лукавства. Как и откуда всплыло из тумана веков Таро, а по сути, дополненный первоисточник, доподлинно не известно. Каббала органично дописала полный портрет системы Таро. Вот что написано о происхождении Каббалы в Краткой еврейской энциклопедии:

Происхождение и источники каббалы. Одним из древнейших источников каббалы является литература мистического характера, сложившаяся в 1—3 вв. н. э. в Эрец-Исраэль и Вавилонии на основании первой главы книги Бытие и первой главы книги пророка Иехезкеля – и ; последняя из них известна в литературе мистицизма под названием (литература колесницы), или (литература чертогов). В отличие от каббалы, стремящейся к постижению сущности и внутренней диалектики Божества, центральной темой являются видения мистиков (), чья душа вознеслась к престолу Божьей славы (), визуальные аспекты Бога, восседающего на небесном престоле. Этой литературе присущ описательный характер, а также специфиче-

ская терминология, унаследованная впоследствии каббалой, однако она лишена столь характерной для каббалы символики. Мистические настроения этого времени отражены в некоторых отрывках из Талмуда (самый известный из них – рассказ о четырех мудрецах, вошедших в – Хаг. 14б) и в так называемой апокалиптической литературе (книга Эноха, четвертая книга Эзры), в которой важную роль играет образ ангела Метатрона.» « *ма'асе брешит ма'асе меркава сифрут ха-меркава сифрут ха-хехалот сифрут ха-хехалот иордей меркава кавод пардес*

Прагматичные германо-скандинавские руны (почему автор назвал их именно так станет ясно из Единой таблицы соответствий, а если коротко то прагматичной их сделало исключение из руники нескольких основополагающих понятий и превратило в систему так сказать «по-быстрому»). Деоκραтическая Каббала, стремящаяся постичь суть Божества. Книга Перемен, раскрывшая дополняющие смыслы основных понятий. Все они дополнили и обогатили первоисточник.

Принято считать, что основной текст «Книги Перемен» – первоначально гадательный, а впоследствии и философский текст, сложился из материалов земледельческого фольклора на территории уделов Цзинь или Цинь между VIII и VII вв. до н. э.

Филологический перевод основного текста без интерпретирующих примечаний мало понятен европейскому читателю, как, впрочем, мало понятен или совсем непонятен основной текст, взятый без комментария, китайскому или японскому читателю, не подготовленному специально к чтению этого текста. Однако китаевед, независимо от его национальности, владеющий системой «Книги Перемен», безусловно, может понять основной текст ее как в подлиннике, так и в переводе. Что же делает ее понятной? Знание ее системы, умение найти объяснение одного места ее в ряде других мест. Так, при чтении основного текста необходимо иметь в виду следующее.

1. Каждая гексаграмма представляет собою символ той или иной жизненной ситуации, которая развертывается во времени. Каждый афоризм при гексаграмме представляет собою краткую характеристику этой ситуации в основном или в целом. Каждый афоризм при отдельных чертах представляет собою конкретную характеристику того или иного этапа в развитии данной ситуации. При этом необходимо принять во внимание то, что ввиду уровня техники мышления и языка авторов, такие характеристики почти никогда не бывают выражены в форме точных понятий. Стихия «Книги Перемен» – стихия образности. Вместо того чтобы сказать об уместности коллективного действия, «Книга Перемен» говорит: «Когда рвут тростник, то другие стебли тянутся за ним, так как он растет пучком. Стойкость к счастью. Развитие». Вместо того чтобы сказать о тщетности предпринятого действия, «Книга Перемен» говорит: «Ничтожному человеку придется быть мощным; благородному человеку придется погибнуть. Стойкость ужасна. Когда козел бодает изгородь, то в ней застрянут рога» и т. п.

Кроме того, в основном тексте встречаются стандартизированные образы, своего рода формулы, как, например: «Благоприятен брод через великую реку», т.е. ситуация предрасполагает к какому-нибудь крупному предпринятию. Или: «Благоприятна встреча с великим человеком» – указывание возможной помощи со стороны могущественного человека.

2. Как было выше указано, афоризмы при отдельных чертах повествуют о последовательном развитии ситуации. При этом первая позиция характеризует лишь самое начало данного процесса, когда он еще не выявлен со всей типичностью его. Вторая позиция характеризует апогей внутреннего развития данной ситуации так же, как пятая позиция – максимальное раскрытие его вовне. Третья позиция характеризует момент кризиса, перехода от внутреннего к внешнему. Поэтому, если прочитать подряд все афоризмы третьих позиций, то, несмотря на весь встречающийся иногда лаконизм их, выступает их общая черта – опасность положения. Например: «Ожидание в тине. Близится приход разбойников»; «В войске может быть воз трупов. Несчастье»; «И кривой может видеть! И хромой может наступать! Но если наступишь на хвост тигра, так что он укусит тебя, то будет несчастье. Воин все же действует ради

великого государя»; «Стропила прогибаются. Несчастье»; «Связанному беглецу будет болезнь и опасность. Держащему слуг и служанок – счастье» и т.д., и т. п. Четвертая позиция характеризует начало проявления данного процесса вовне. Поэтому она столь же мало типична, сколь и первая. Однако на ней сказывается благотворное влияние приближающейся пятой позиции. Поэтому и афоризмы четвертой позиции не так мрачны, как предыдущие. Пятая позиция уже указана в связи со второй. Шестая же позиция представляет собою завершение или переразвитие процесса данной ситуации, в котором она или теряет свою типичность, или превращается в свою противоположность. И все шесть последовательно представляют собой интерпретации основных смыслов первых шести рун Ретрарха.

3. Необходимо всегда иметь в виду, что основной текст теснейшим образом связан с гексаграммами, триграммами и чертами, их составляющими. Поэтому для того, чтобы вдуматься в значение того или иного афоризма, совершенно необходимо рассматривать его с учетом их символики.

4. Связь афоризмов друг с другом, их смену необходимо рассматривать как конкретизацию семи основных положений «Книги Перемен», унаследованных из этого реального текста всеми комментаторами, несмотря на все их различие, указанное выше. Эти семь положений ярче всего выступают с сицы-чжуань, однако при достаточном размышлении можно убедиться, что они как своего рода обертоны присущи и основному тексту. Вот они в общих чертах:

1) Мир представляет собою и изменчивость и неизменность, и, более того, их непосредственное единство;

2) В основе этого лежит проходящая через весь мир полярность, антиподы которой столь же противоположны друг другу, сколь и тяготеют друг к другу: в их отношениях проявляется мировое движение, как ритм;

3) Благодаря ритму ставшее и еще не наступившее объединяются в одну систему, по которой будущее уже существует и в настоящем, как «ростки» наступающих событий;

4) Необходимо и теоретическое понимание, и практическое осуществление этого; и если деятельность человека нормирована таким образом, то он гармонически включается в свое окружение;

5) Таким образом, исключается конфликт внутреннего и внешнего, и они лишь развивают друг друга тем, что внутреннее определяется внешним и творит во внешнем;

6) При этом личность уделяет достаточное внимание, как себе, так и окружающему ее обществу, и, довольствуясь своим положением, находит возможность высшей формы творчества: творчества добра, а не выполнения каких бы то ни было правил прописной морали;

7) Так, благодаря выдержанному единству абстракций и конкретности, достигается полная гибкость системы.

Пассивное чтение «Книги Перемен», как занимательной беллетристики, – праздная трата времени. Понять книгу перемен возможно либо при длительном изучении ее как предмета, либо практикуя гадания на ней длительное время. Только углубленное изучение или длительная практика дают полную картину понимания этой системы. Хотя в Книге перемен как многослойной работе в разных слоях (их наличие упоминалось во втором положении, которое необходимо иметь ввиду при чтении Книги) применены значения первоисточника, в этой книге будет затронут только первый слой, показанный в таблице соответствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.